

История о безответной любви?

Вот и повод для признания!

Цзянь Имын: Да-да-да, именно так, автор, смело пиши, я всем сердцем за тебя! Держись подальше от подлого козла, защитим нашего автора! Быстрее, я запаслась витаминами! Больше всего любим сладенькое!

Блуждающие мысли вернулись на место, Цзянь Имын невольно хихикнула и снова перевела взгляд на человека перед собой.

А затем заметила, что Цзянь Иянь смотрит на неё с крайне выразительным лицом.

— Кхе-кхе-кхе... — Цзянь Имын смущенно потрогала нос. — Ой, всё равно тебе не понять, в общем, сегодня вечером смирись и поспи на диване.

Цзянь Иянь снова уткнулся в телефон:

— Угу.

Стоило им закончить разговор, как со стороны ванной послышался шум.

Цзянь Имын, не задумываясь, хлопнула Цзянь Ияня по плечу:

— Братишка, иди скорее помоги человеку высушить волосы.

Перед зеркалом стоял парень со свежим румянцем, влажные пряди прилипли к щекам, а краснота в уголках глаз и бровей делала его ещё более уязвимым и вызывающим жалость.

Чу Цинцы слегка взмахнул длинными ресницами, перевел взгляд на возившегося с феном Цзянь Ияня и тихо произнес:

— Прости за беспокойство...

Цзянь Иянь хмыкнул и сказал:

— Обращаться с техникой не умею, если обожгу — подай голос.

— Хорошо. — Чу Цинцы изогнул брови, слегка приподнял подбородок, обнажая изящные ключицы и белую шею.

Цзянь Иянь с бесстрастным лицом откинул прядь мягких волос, даже не взглянув на него.

Чу Цинцы мысленно закусил губу, его настроение упало.

Когда они вышли из комнаты, Цзянь Имын отодвинула стул для Чу Цинцы и с улыбкой произнесла:

— Чу-дада, не церемоньтесь, кушайте на здоровье!

— Спасибо.

За весь ужин лишь Цзянь Имын беспрестанно разговаривала с Чу Цинцы, остальные трое молча уткнулись в свои тарелки.

Шум дождя на улице немного стих.

После ужина Цзянь Иянь захватил мусор и вместе с остальными двумя спустился вниз.

Воспользовавшись отсутствием Цзянь Ияня, Цзянь Имын без утайки заговорила с Чу Цинцы:

— Дада, сегодня ночью поспи в комнате моего брата, я уже договорилась с ним, эту ночь он проведет на диване.

Чу Цинцы на мгновение замер, слегка нахмурился, но ничего не сказал.

Цзянь Имын и впрямь всё продумала: учитывая его сексуальную ориентацию, ночевать с Цзянь Иянем в одной комнате было бы невозможно.

Вечер Чу Цинцы провел в комнате, обучая Цзянь Имын рисованию.

Цзянь Иянь проходил мимо дважды, ничего особенного не говоря, сразу прошел в свою комнату, чтобы застелить постель, а затем, приняв душ, лег на диван с телефоном.

Цзянь Имын в комнате потянулась и отложила стилус.

— Дада, когда же выйдет твоя новая новелла?

Она повернула голову и увидела, что Чу Цинцы смотрит на книгу в своих руках.

Это были Введения в астрофизику, которые он только что снял с книжной полки. На первой странице красовалось имя Цзянь Ияня, а при беглом просмотре можно было заметить множество пометок на полях.

Чу Цинцы спросил:

— Разве он... не на инженера учился?

Книги на одной из полок Цзянь Ияня сплошь были посвящены специальности астрофизика.

Цзянь Имын помолчала, погрузившись:

— Наверное... это разница между искренней любовью и вынужденными обстоятельствами.

Всегда найдутся надменные взрослые, которые окружают тебя со всех сторон, а затем начнут помыкать, планируя твое будущее, заставляя идти по их стопам и восполнять сожаления, оставшиеся у них самих.

Человек с дипломом архитектурного требует, чтобы ты унаследовал его дело, а ты не слушаешь, упорно следуешь идеалам своего сердца и в конце концов навлекаешь на себя шквал брани.

Ты говоришь: ладно, но подчиняться до конца не хочешь, и в итоге поступаешь на смежное с архитектурой гражданское строительство.

Их чуть кондратий не хватил.

Они хотели, чтобы ты стал дизайнером, а ты побежал в сторону инженеров.

Позже они потребовали, чтобы ты взял майнор по управлению строительством ради второй специальности — мол, так будет проще быстрее пробиться на руководительные должности.

Ты снова упрямо пошел наперекор и подал документы на информатику, желая возиться только с данными.

Тут уж они махнули на тебя рукой, а ваши отношения скатились до ледяной точки.

Поступив в университет, ты больше ни разу не возвращался домой, оберегая в этом городе свою изначальную мечту, и думал о поступлении в магистратуру на астрономию, чтобы изучать столь непостижимую в глазах других астрофизику.

Перед лицом усеянной терниями дороги люди отступают в страхе, а в твоих глазах — лишь тот алый цветок посреди зарослей колючек.

Лишь храбрейший способен сорвать его.

Эх, к чему всё это вспоминать, Цзянь Имын потеряла уставшие глаза.

— Уже поздно, дада, отдохни пораньше.

Чу Цинцы слегка опустил ресницы.

В глубокой ночи спала лишь одна Цзянь Имын.

Чу Цинцы крепко прижимал к себе одеяло, в воздухе витал принадлежащий Цзянь Ияню запах, и он всё еще мечтал о том дне, когда сможет заключить его в объятия и поцеловать.

Но когда же, наконец, настанет этот день?

Бесчисленными ночами он вздыхал из-за собственной робости и трусости.

Кто-то яростно сжал его горло, Цзянь Иянь широко раскрыл глаза и тупо уставился на качающуюся над ним фигуру. Доказать любовь ценой жизни

Не прошло и нескольких минут, как Чу Цинцы вернулся к нему с двумя стаканами прохладительных напитков.

— Спасибо. — Цзянь Иянь принял протянутый напиток и спросил: — А где Имын?

— Она всё еще выбирает платье.

Трое прогуливались по торговой улице, и у Цзянь Имын оказалось поистине неисчерпаемое стремление к покупкам: не говоря ни слова, она затащила Чу Цинцы в бутик и принялась сорить деньгами.

Цзянь Иянь покачал головой и присел отдохнуть в тени у фонтана, подставляя лицо прохладному ветерку.

— Вот как.

Перекинувшись парой фраз, они снова погрузились в молчание.

Он поднял взгляд на Чу Цинцы, словно слегка удивившись тому, что тот оказался здесь.

Встретившись с ним взглядом, Чу Цинцы почувствовал, как у него страшно запылали уши.

Пройдя в учебную зону строительного факультета, можно было заметить несколько зданий в сталинском стиле, стены которых обвивали зеленые побеги лиан — с первого взгляда чувствовалось дыхание истории.

Сейчас выйду, — ответил в сообщении Цзянь Иянь.

Цзянь Иянь училась на специальности, где расписание вечно было забито под завязку, да к тому же она брала дополнительные курсы, поэтому с утра до вечера была занята беготней по лекциям. Нередко бывало так, что отправленное ей утром сообщение оставалось без ответа до самого конца первой половины дня.

Однако сегодня было воскресенье, так что Цзянь Иянь, должно быть, сидела в общежитии или корпусе научно-исследовательского института.

Чу Цинцы с улыбкой предложил: — Как насчет того, чтобы позвать с нами и Ияня?

Глаза Цзянь Имын засияли. Она ведь еще никогда не была в университете Цзянь Ияня, и теперь, раз уж Чу Цинцы сам подал такую идею, представился прекрасный повод заглянуть туда.

Время пролетело незаметно: с момента первой встречи Чу Цинцы и Цзянь Ияня прошло уже несколько месяцев.

Прибыв на место, Чу Цинцы и Цзянь Имын неспешно прогуливались по территории, впитывая местную атмосферу. Сердце Чу Цинцы забилось быстрее.

Цзянь Иян ответил: — Лабораторное занятие.

Он увидел, как человек, о котором он непрестанно грезил, неторопливо выходит из учебного корпуса. С бесстрастным выражением лица, засунув руки в карманы и зажав под мышкой несколько свитков чертежей и лабораторных таблиц, он выглядел одновременно неприступным и слегка отрешенным.

Цзянь Имын бросилась к нему: — Разве по выходным бывают пары?

Правда, университетский кампус Цзянь Ияня располагался совсем не рядом с торговой улицей — он находился на самом побережье.

Сейчас в метро, Цзянь Имын отправила Цзянь Ияню сообщение, но тот ответил не сразу.

Чу Цинцы сидел напротив Цзянь Ияня, явно собираясь что-то сказать, но не решаясь начать.

Когда же, наконец, он сможет высказать то тайное желание, что так бережно хранил в своем сердце... — Я... — Чу Цинцы нервно теребил пальцы, а его щеки порозовели. — Я пишу роман, он скоро заканчивается...

Цзянь Иянь с недоумением посмотрел на него, не совсем понимая, к чему тот клонит:

— Тогда... поздравляю с завершением?

Чу Цинцы только хотел что-то сказать, как чей-то голос внезапно вмешался, прервав их разговор.

— Цинцы?

Красивый мужчина с благородными чертами лица и хорошенький, утонченный юноша появились неподалеку от них.

Увидев их, Чу Цинцы тут же помрачнел.

Парень, стоявший рядом с Сяо Минъюем, удивленно произнес:

— Неужели старший на свидании... Минъюй, давай не будем подходить?

Однако Сяо Минъюй даже не вслушался в его слова — разъяренный, он быстрым шагом подошел, вцепился в руку Чу Цинцы и сквозь зубы потребовал ответа:

— Ты так быстро бросил меня ради того, чтобы сойтись с ним?

В глазах Чу Цинцы мелькнуло отвращение, но ему хотелось посмотреть, как отреагирует Цзянь Иянь, поэтому он промолчал.

Сяо Минъюй кипел от гнева и силой вытащил его из-за столика. Чу Цинцы споткнулся и чуть не упал на землю.

— Минъюй! — попытался остановить его юноша, но Сяо Минъюй оттолкнул его с такой силой, что тот едва устоял на ногах.

— ??? — будучи абсолютно прямолинейным парнем, Цзянь Иянь еще не до конца осознал, что происходит, однако, заметив, как болезненно нахмурился Чу Цинцы, не удержался от слов:

— Если ты будешь так давить на него, он вряд ли заговорит.

Вероятность получить ответ таким способом уменьшится по меньшей мере вдвое.

У Сяо Минъюя на лбу вздулись вены, он резко повернулся и злобно зыркнул на него:

— Не твоё дело!

— Ай, отпусти... — поморщившись от боли, Чу Цинцы попытался вырваться из мертвой хватки.

Увидев это, Цзянь Иянь мгновенно похолодал во взгляде. Он поднялся, встал лицом к лицу с Сяо Минъюем и, вскинув глаза, излучал подавляющую, грозную ауру:

— Отпусти его.

Сяо Минъюй замер: в тот самый момент, когда их взгляды встретились, он отчетливо ощутил леденящее душу давление.

— Сяо Минъюй!

В этот момент вернулась Цзянь Иянь — она выглядела устрашающе и была настроена крайне решительно. Замахнувшись пакетом с покупками, она принялась колотить им Сяо Минъюя по голове и гневно выпалила:

— У тебя хватает наглости снова преследовать великого Чу!

Сяо Минъюй нахмурился и заслонился рукой от града ударов.

С каких это пор Цзянь Иянь получила право судить и рядить о его делах с Чу Цинцы?

Стоявший в стороне юноша потемнил взор и, воспользовавшись всеобщей суматохой, оттащил Сяо Минъюя назад, позволив Чу Цинцы вырваться из его хватки. Он обиженно закусил нижнюю губу:

— Минъюй... пойдём отсюда.

Цзянь Имын мысленно выругалась, обозвав его сущим белым лотосом, а затем схватила Чу Цинцы за руку и быстрой походкой удалилась. Сяо Минъюй только собрался было сделать шаг и броситься за ними, как Цзянь И протянул руку и преградил ему путь.

— Ты...!

...

— Мы... разве не подождём Ияня? — Чу Цинцы остановился, на его лице читалось беспокойство.

— Не переживай, мой брат со всем справится! — взгляд Цзянь Имын опустился вниз и замер на его запястье: там отчетливо виднелся синюшный след от пальцев, особенно ярко выделявшийся на белой коже.

От одного вида этого Цзянь Имын закипала от злости:

— Сначала пойдём домой, а потом просто позвоним моему брату.

Проклятый козёл и сволочь Сяо Минъюй, надо же было выбрать такой день, чтобы их осквернить!

Чу Цинцы погладил себя по запястью и беззаботно улыбнулся, считая, что сегодняшняя сцена удалась на славу.

Сяо Миньюй от начала и до конца был лишь инструментом для того, чтобы вызвать к нему жалость. Какая ему разница, сволочь тот или нет?

Гнев Цзянь Имын всё никак не утихал, поэтому она не стала внимательно всматриваться в реакцию Чу Цинцы и тем более не догадывалась о том, что у того на уме.

...

Вернувшись домой, Цзянь Имын приложила к ране Чу Цинцы пакет со льдом.

У Чу Цинцы были на редкость изящные руки, и Цзянь Имын ни капли не сомневалась, что приложи Сяо Миньюй чуть больше силы — и его запястье запросто хрустнет.

Ах, а ведь этот автор и впрямь истинный пассив среди пассивов!

Прикладывая лёд, она невзначай бросила:

— Автор, а ты никогда не думал завести себе пару?

Верный пёс-актив в паре с хрупким и слабым пассивом — разве не прелесть?

После такого вопроса лицо Чу Цинцы слегка покраснело, а взгляд испуганно метнулся в сторону:

— У меня... уже есть любимый человек.

— А? — изумилась Цзянь Имын, подумав про себя: надо же, как быстро.

Пока они беседовали, вернулся Цзянь Иян. Бросив ключи на журнальный столик, он развалился на диване с противоположной стороны, словно какой-то барин, и принялся уткнуться в телефон.

Убедившись, что тот не пострадал, Чу Цинцы с облегчением выдохнул.

— Брат, ты ведь не бил этого мерзавца? — Цзянь Имын поморщила носик: она больше всего боялась, что пёс Сяо перевернет всё с ног на голову и обвинит их в намеренном причинении вреда.

Цзянь Иян ответил:

— Не бил.

Сяо Миньюй нёс какую-то бессвязную чушь, а потом просто ушёл, оставив его в полном недоумении.

Какая ещё любовь, от одного этого слова голова идёт кругом.

Цзянь Иян поинтересовался:

— Спрошу на всякий случай... а что значит «мерзавец-актив»?

Цзянь Имын: «...»

Чу Цинцы: «...»

Истинно тебе говорю, натуральный технарь-сухарь.

Цзянь Имын виновато улыбнулась и сказала Чу Цинцы:

— Мой брат — просто простофиля, автор, не обращай внимания.

На сердце у Чу Цинцы было горько: он понял, что впереди его ждет еще очень долгий путь...

...

В дальнейшем его частенько приглашали в гости в Клан Цзянь, и он то и дело пытался сблизиться с Цзянь Ияном, однако тот вечно держался с прохладцей, а временами и вовсе был не в силах постичь суть того, о чём шла речь.

Об их отношениях даже как о дружеских нельзя было сказать.

Даже добавив друг друга в друзья и оказавшись в списках контактов, стоило ему изредка завести разговор, в ответ прилетало лишь одно-два вежливых дежурных слова.

Когда же начиналась пора сдачи учебы, его и вовсе было не сыскать днем с огнем. Сердце Чу Цинцы увядало под грузом всё возрастающих разочарований.

Еле дожив до новогодних каникул, Цзянь Имын уехала домой одна.

У Цзянь Ияна были натянутые отношения с семьей, и уговорить его поехать вместе Цзянь Имын не смогла, поэтому она поручила присмотреть за ним Чу Цинцы.

Чу Цинцы посчитал, что ему представился еще один шанс, и зачастил к Цзянь Ияну чуть ли не через день.

То проявлял излишнюю заботу, то разыгрывал спектакль, притворяясь ровно настолько, насколько требовалось, чтобы окружающие видели в нем слабого, хрупкого мужчину, которого можно сломать одним щелчком.

Цзянь Иян порой действительно воспринимал его как изнеженную особу голубых кровей, к которой и пальцем прикасаться нельзя, а потому брал всю домашнюю работу на себя со словами: «У тебя такое слабое здоровье, лучше как следует отдохни».

Чу Цинцы с горьким вздохом разочарования осознавал, что снова выбрал неверное направление.

Никакие его ухищрения и соблазны не могли поколебать это бесчувственное, твердое, словно сталь, сердце Цзянь Ияна.

По сей день у Чу Цинцы не хватало храбрости поставить точку в романе под названием «Безответная любовь».

Подобные безответные и невысказанные чувства неизменно заставляли человека тайком проливать слезы в одиночестве.

Как сильно он мечтал преподнести эту книгу, полную искренней преданности, прямо к рукам Цзянь Ияна, чтобы тот заглянул в его трепещущее изнутри сердце и увидел всю эту обуреваемую им безумную страсть!

Но он знал: как бы искренне и трогательно до слёз ни были написаны эти строки, они не вызовут ни единой ряби на поверхности озера в душе Цзянь Ияна.

Пожалуй, для Цзянь Ияна самой захватывающей историей оставалась квантовая теорема о том, бросает ли Бог кости.

Бесчисленными ночами Чу Цинцы ворочался с боку на бок, а этот цветок зла буйно разрастался в глубине души.

Он не удерживался и «изливал душу» одежде Цзянь Ияна, бесконечно выкрикивая имя этого человека в пустой, погруженной во тьму комнате, а в конце позволял вязкому и терпкому запаху плоти разлиться повсюду...

Таким грязным способом он пытался испытать хоть капельку счастья.

Он действительно сходил с ума.

Неужели он использовал Цзянь Имын, чтобы подобраться к нему, лишь ради того, чтобы испытать подобные муки?

Нет...

Ему хотелось большего.

Его больше не удовлетворяла одна лишь чужая футболка, ему было мало просто перекидываться с этим человеком словами — он жаждал... гораздо большего.

...

В канун Нового года Цзянь Иян остался вместе с Чу Цинцы.

— Иян, попробуй то, что я приготовил~ — Чу Цинцы положил кусочек побега бамбука ему в пиалу.

— ...Спасибо, — Цзянь Иян ни о чем не подозревал, тем более что в последнее время стряпня целиком лежала на плечах Чу Цинцы.

После ужина Цзянь Иян оставил телевизор включенным, чтобы посмотреть новогодний концерт, в то время как Чу Цинцы продолжал мыть посуду на кухне.

— Иян, принеси и свой стакан, я тоже сполощу.

— О, сейчас, — Цзянь Иян протянул руку за стаканом на журнальном столике, залпом допил оставшийся сок и передал посуду Чу Цинцы.

В этот момент Цзянь Имын позвонила по видеосвязи, заявив, что хочет встретить Новый год вместе с братом.

Цзянь Иян зевнул и, сменив тему, заявил, что смертельно устал и собирается лечь пораньше.

— И часа еще не прошло, а ты уже спать, ты что, свинья? — заворчала Цзянь Имын, заметив, что брата уже нет перед объективом камеры.

Чу Цинцы знал, что Цзянь Иян собрался в душ, а потому с заботливой предупредительностью заранее приготовил для него смену одежды.

Цзянь Иян чувствовал себя немного не в своей тарелке, но спорить не стал: взяв вещи, он направился в ванной.

Распахнув одежду, он обнаружил, что верх — та самая белая футболка, которую он ранее одалживал Чу Цинцы.

Наверное... ничего страшного.

Цзянь Иян небрежно перекинул её через вешалку и включил душ.

Его клонило в сон с такой силой, что, преодолевая усталость, он наспех ополоснулся, кое-как натянул одежду и вышел наружу, окутанный облаком влажного пара.

Голова соображала плохо: изначально он планировал устроиться на диване, но вместо этого, покачиваясь, побрел напрямик в спальню и рухнул на кровать.

Планшет в гостиной все еще был включен, и перед глазами Цзянь Имын появилось лицо Чу Цинцы.

— Автор, а где мой брат?

— Он уже лег.

— Ушел спать в комнату?

Не успела Цзянь Имын договорить, как связь оборвалась.

— ???

В новогоднюю ночь Чу Цинцы с полнейшим чувством удовлетворения заснул в одной постели с Цзянь Ияном.

Но ему всё равно приходилось сдерживаться: не смея тревожить спящего, он лишь легонько касался губами его губ или припадал поцелуем к шее, оставляя там едва заметный след.

Он действовал донельзя осторожно, так что даже если бы Цзянь Иян что-то заподозрил, улики не осталось бы.

Их совместная жизнь подошла к концу накануне отъезда Цзянь Ияна обратно в университет.

Чу Цинцы тщательно выбрал букет цветов в цветочном магазине, намереваясь поставить точку в своей затянувшейся «безответной любви».

Он вытащил Цзянь Ияна на свидание и в вечер всех влюбленных отвел его в западный ресторан.

Однако Цзянь Иян оставался непробиваем: даже будучи приглашенным на свидание в День святого валентина, он упорно не догадывался о намерениях собеседника.

Чу Цинцы чувствовал себя как на иголках, но так и не набрался смелости произнести заветные слова.

Сунув цветы в объятия Цзянь Ияна, он покраснел и пробормотал:

— Иян, с Днем святого Валентина.

Цзянь Иян остолбенел, переполненный сомнениями:

— ...Спасибо, только у меня еще нет пары.

И какое... какое вообще отношение этот праздник имеет к нему?

Люди искусства и впрямь невероятно романтичны... даже будучи одиночками, празднуют от души.

— Я... — Чу Цинцы хотел что-то сказать, но осекся и в конце концов с унылым видом опустил голову.

Видя, как тот помрачнел, Цзянь Иян решил, что он переживает из-за отсутствия второй половинки, и серьезно предложил:

— Давай после ужина прогуляемся по набережной, немного развеешься.

— Хорошо...

...

Выбравшись из ресторана, они не спеша дошли до самого побережья.

Чу Цинцы повернул голову и увидел переливающуюся гладь воды, до которой изда доносился глухой рокот волн, разбивающихся о прибрежные скалы.

Морской бриз трепал их волосы; ранняя весна всё еще дышала холодом, и Чу Цинцы, невольно передернув плечами от озноба, набрался храбрости и прижался ближе к Цзянь Ияну.

В этот момент Цзянь Иян вглядывался в ночное небо — его сосредоточенный взгляд казался таким глубоким, словно он пытался вобрать в свои зрачки всё звездное великолепие вселенной.

Чу Цинцы больше всего любил его таким... но в то же время ненавидел больше всего на свете.

Потому что смотрел он вовсе не на него.

— Иян, — позвал Чу Цинцы.

— М-м...б? — тот повернулся, позволив губам Чу Цинцы случайно коснуться собственных.

Легко, словно крыло стрекозы огладило воду, Чу Цинцы ощутил эту мягкость и тут же отстранился.

В тусклом свете его глаза покраснели, и хриплый голос едва сорвался с губ:

— Я люблю тебя. Ты мог бы быть со мной?

Смотреть только на меня одного. Дорожить только мной.

Ты ответишь мне согласием?

<http://bllate.org/book/21581/2223641>